

Л. Д. ШАГДАРОВ

О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ТУГНУЙСКИХ И АГИНСКИХ БУРЯТ И СТЕПЕНИ ИХ ОТРАЖЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

В 1936 г. на лингвистической конференции, состоявшейся в г. Улан-Удэ, было принято решение перебазировать бурятский литературный язык с селенгинского (или сартуло-цонгольского) диалекта¹ на хоринский, как на наиболее компактный и ведущий диалект бурятского языка. Носителями этого диалекта считаются буряты, занимающие обширную часть Забайкалья, в частности, территорию бывших Хоринского, Еравнинского, Кижингинского, Заиграевского, Мухоршибирского, Бичурского, Иволгинского и частично Селенгинского аймаков Бурятской АССР. На этом же диалекте говорит все бурятское население Читинской области, включая Агинский бурятский национальный округ, а также буряты, проживающие в МНР.

До недавнего времени считалось, что на всем этом огромном пространстве бытует единый говор или диалект, имеющий лишь небольшие фонетико-лексические отклонения, наблюдаемые в Аге. Однако в последнее время в результате экспедиционного обследования хоринского диалекта исследователи все больше склоняются к мнению, что хоринский диалект не един, а состоит из нескольких говоров. Так, Д.-Н. Доржиев и У.-Ж. Ш. Дондуков в хоринском диалекте выделили наряду с собственно хоринским и агинским говорами также мухоршибирский говор². Ц. Б. Цыдендамбаев в составе хоринского диалекта выделяет 4 говора: «...собственно хоринский, агинский, тугнуйский и иволгинско-оронгойский (этот говор еще не уточнен)»³. Нам кажется, что намечающееся деление хоринского диалекта (на нынешнем этапе его изученности) на 4 говора является более приемлемым.

Хоринский диалект относится к одним из наиболее изученных бурятских диалектов. Первая диалектологическая монография о бурятском языке, изданная в 1913—1914 гг. А. Д. Рудневым, была посвящена

¹ Следует отметить, что в литературе данное языковое подразделение называется то говором, то диалектом. Так, Д. А. Алексеев и Т. А. Бертагаев называют его говором, а Г. Д. Санжеев и Ц. Б. Цыдендамбаев — диалектом. Нам кажется более обоснованным мнение, согласно которому это языковое образование является самостоятельным диалектом, объединяющим ряд говоров.

² См.: Д.-Н. Доржиев и У.-Ж. Ш. Дондуков. К изучению говора мухоршибирских бурят. «Уч. зап. Бур.-Монг. пединститута», вып. XI, серия истор.-филол. Улан-Удэ, 1957, стр. 261.

³ Ц. Б. Цыдендамбаев. О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке. «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, серия востоковедная, Улан-Удэ, 1960, стр. 116.

языку хоринских бурят. В советское время в районы распространения хоринского диалекта неоднократно снаряжались специальные лингвистические экспедиции. В 1930 г. Институт культуры БМАССР совместно с Академией наук организовал экспедицию к агинским бурятам. Участники экспедиции обследовали восточную часть Агинского округа — нынешние Агинский и Могойтуйский районы. В 1937 г. большая экспедиция, в составе которой приняли участие известные советские монголисты Г. Д. Санжеев, Т. А. Бертагаев, К. М. Черемисов и другие, охватила Хоринский и Еравнинский аймаки Бурятской АССР. После этого в Хоринский аймак еще дважды были организованы экспедиции (в 1952 и 1964 гг.). В 1965 году диалектологи Бурятского КНИИ СО АН СССР работали в Агинском национальном округе. В 1956 и 1959 гг. отряды диалектологической экспедиции исследовали тугнуйский говор. Однако материал, собранный экспедициями по говорам хоринского диалекта, обобщен лишь в отдельных статьях и заметках¹.

В настоящее время, когда подробные описания в виде кандидатских диссертаций имеются по тункинскому, боханскому, эхирит-булагатскому, баргузинскому, цонгольскому и качугскому говорам, состояние изученности основного бурятского диалекта следует признать совершенно неудовлетворительным. Хоринский диалект в целом, а также его говоры в отдельности заслуживают детального изучения. Некоторым лингвистам кажется, что в литературном бурятском языке нашли отражение специфические особенности говоров хоринского диалекта. Поэтому сравнительное изучение хоринских говоров с литературным бурятским языком, выяснение, в какой степени получили отражение в нем специфические особенности этих говоров позволят получить более конкретные представления о живой народно-разговорной основе литературного языка. Кроме того, на основе выявления особенностей каждого из хоринских говоров следует изучить взаимоотношение хоринских говоров между собой.

Автор данного сообщения в 1955 г. записал некоторый материал по агинскому говору, а в 1959 г. участвовал в работе мухоршибирского отряда диалектологической экспедиции, охватившего восточную часть распространения тугнуйского говора в районе совхоза «Эрдэм». На основе собранного материала в данной статье сопоставляются некоторые фонетико-грамматические и лексические особенности тугнуйского говора с агинским говором и литературным бурятским языком.

Этнически тугнуйские и агинские буряты относятся к одиннадцати хоринским родам и до недавнего прошлого переживали одинаковую историческую судьбу. В настоящее время территориально они разобщены и не имеют каких-либо массовых контактов. Тугнуйцы живут к юго-востоку от г. Улан-Удэ в Бурятской АССР. Агинский же округ расположен на южной окраине Читинской области, вблизи советско-монгольской границы.

Тугнуйский говор испытывает сильное влияние со стороны территориально граничащего с ним селенгинского диалекта и в настоящее время, как указывает У.-Ж. Ш. Дондуков, распадается на две части — западную и восточную. Восточный тугнуйский говор близок к остальным

¹ См.: Т. А. Бертагаев. Заметки лингвиста о хоринском говоре. «Зап. БМ НИИЯЛИ», вып. 1, Улан-Удэ, 1936; Г. Д. Санжеев. Лингвистические наблюдения в Еравне и Хори. «Зап. БМ НИИЯЛИ», вып. 1, Улан-Удэ, 1939; Д.-Н. Доржиев и У. Ж. Ш. Дондуков. К изучению говора мухоршибирских бурят. «Уч. зап. Бур.-Монг. пединститута», вып. XI, серия истор.-филол., Улан-Удэ, 1957; У.-Ж. Ш. Дондуков. Предварительный отчет о работе Мухоршибирского отряда диалектологической экспедиции БМ НИИК (июль 1956 г.), «Зап. БМ НИИК», вып. XXIII, Улан-Удэ, 1957.

хоринским говорам. Западные же тугнуйцы, испытывающие в своей речи влияние селенгинского диалекта, в большей степени цакают, то есть вместо общебурятского звука *c* произносят аффрикату *ц*, а также употребляют аффрикаты *ч*, *дж*, *дз* вместо общебурятских спирантов *ш*, *ж*, *з*. В нашей заметке для сравнения привлекаются данные о восточной части говора.

Агинский говор испытал лишь небольшое влияние со стороны монгольского языка и хамниганского говора. В языке западных и восточных агинцев также имеются незначительные лексико-семантические различия. Например, на востоке Аги старшую сестру называют *абжаа*, ключ от замка — *хилүүсэ*, понятие «плакать» обозначают словом *орилхо*, петь — *бөөлэхэ*, сон — *ноэр* и т. д. А на западе вместо них соответственно употребляются слова *абгаэ*, *түлт'үүр*, *барх'урха*, *дуулаха*, *үргээн*.

Сопоставление тугнуйского и агинского говоров показывает, что тугнуйский говор по сравнению с литературным языком обладает большим количеством особенностей, чем агинский. При этом некоторые специфические формы существуют параллельно с формами, бытующими в литературном языке.

Фонетические особенности: 1. Под влиянием селенгинского диалекта в тугнуйском говоре в абсолютном начале и первом слоге слова развилось оканье вместо общебурятского уканья: тугн. *оһон*, агин. *уһан*, лит. *уһан*, (вода); тугн. *онохо*, агин. *унаха*, лит. *унаха* (садиться на коня); тугн. *х'оруу*, агин. *х'уруу*, лит. *х'уруу* (иней). Первослоговой звук *о* ассимилирует краткие гласные последующих слогов и долгий звук *а*: тугн. *тогол*, лит. *тугал* (теленок); тугн. *оргомол*, лит. *ураамал* (растение); тугн. *оноод*, лит. *унаад* (сев на коня); тугн. *оһоор*, лит. *уһаар* (водой).

Оканье в этом говоре носит регулярный характер. В собственно хоринском и агинском говорах, а также в говорах добайкальского и прибайкальско-саянского диалектов¹ оно отсутствует и потому не отражается в литературном языке.

2. В тугнуйском говоре бытует краткий гласный *ө*, отличный от гласного звука *у*; но, в качестве самостоятельной фонемы, как нам кажется, он не выступает, поэтому может употребляться и *ө* и *у*: *өдөр* и *үдэр* (день). В агинском говоре краткие *ү* и *ө* как самостоятельные звуки не различаются.

В тугнуйском говоре в положении после первослоговых *ү*, *үй* в большинстве случаев употребляются как долгий гласный *ээ*, так и *өө*, но более предпочтительным является звук *ээ*. В агинском говоре в указанных условиях звуки *ээ* и *өө* имеют такое же употребление, но предпочтение дается обычно звуку *өө*: тугн. *хүсээ* || *хүсөө*, агин. *хүсөө* || *хүсээ* (догнал); тугн. *бүхэжээ* || *бүхэјөө*, аг. *бүхэјөө* || *бүхэјээ* (силу свою). После первослогового долгого *ү* в тугнуйском говоре встречается только звук *ээ*, тогда как в агинском употребляется и звук *өө*: тугн. *һүүлээр*, агин. *һүүлээр* || *һүүлөөр* (после), тугн. *шүүрээ*, агин. *шүүрээ* || *шүүрөө* (схватил).

Таким образом, в обоих говорах краткие гласные *ө* и *ү* в первом слоге и долгие *өө* и *ээ* в положении после первослоговых *ү*, *үй* не различаются. Правило орфографии литературного языка о написании в непер-

¹ В отношении наименований бурятских говоров и диалектов применяется терминология, предложенная Ц. Б. Цыдендамбаевым в статье «О диалектальных различиях в разговорном бурятском языке» (см.: «Тр. БКНИИ СО АН СССР», вып. 3, Улан-Удэ, 1960), ибо классификация бурятских диалектов и говоров, сделанная в статье Ц. Б. Цыдендамбаева, отражает точку зрения Улан-Удэнской лингвистической конференции 1953 г.

вых слогах только *өө* после *ү*, *үй* не отражает специфической особенности какого-либо из этих говоров.

3. В тугнуйском и агинском говорах в ряде случаев наблюдается замещение гласных *ү* и *э* друг другом. Это явление в литературном языке не отражается: тугн. *гүдэһэн*, агин. *гэдэһэн*, || *гэтэһэн*, лит. *гэдэһэн*, (живот, брюхо); тугн. *хүдэн*, агин. *хэды* || *хэд'уи* (сколько); тугн. *түды*, агин. *түсы* || *тэды*, лит. *тэды* (столько); тугн. *бэ* || *бү*, агин. *буу*, лит. *бүү* (не); тугн. *мүтэ*, агин. *мүтэ* || *мэтэ*, лит. *мэтэ* (подобно); тугн. *бэрэ*, агин. *бэр'и* || *бүр'и*, лит. *бүри* (еще более; совсем, совершенно); тугн. *мэл'т'ихэ*, агин. *мүл'т'ихэ*, лит. *мүл'т'ихэ* (орф. *мүлхихэ*) (ползать); тугн. *хэдэрхэ* || *хүдэрхэ*, агин. *хэдэрхэ*, лит. *хэдэрхэ* (накидывать, набрасывать); тугн. *бэл'т'и* агин. *бүл'тин* || *бэл'тин*, лит. *бүл'тин* (орф. *булхин*) (утолщенное сухожилие); агин. *бүмбэгэ* || *бэмбэгэ*, лит. *бүмбэгэ* (мяч); агин. *эбэр*, *эбэртэлхэ* лит. *үбэр*, *үбэртэлхэ* (пазуха; положить за пазуху); агин. *бэһэ* || *бүһэ*, *бэһэлхэ* || *бүһэлхэ*, лит. *бүһэ*, *бүһэлхэ* (пояс, кушак; опоясываться; окружать); тугн. *мэшэн*, агин. *мүшэн*, лит. *мүшэн*, (звезда).

4. В тугнуйском говоре в единичных случаях вместо звуков *о*, *а* первого слога употребляются узкие *у*, *ү*: тугн. *уран*, || *орон*, агин. *орон*, лит. *орон* (кровать); тугн. *пулаат'и*, агин. *палаат'и*, лит. *плаат'и* (платье); тугн. *пулааха*, агин. *палааха*, лит. *палааха* (пол); тугн. *пүл'т'ээнсэ*, агин. *пол'т'инса*, лит. *полот'ээнцэ* (полотенце); тугн. *хүн'ээхэ* (копейка).

5. Долгим гласным агинского говора в тугнуйском говоре в некоторых случаях соответствуют дифтонгондные звуки: тугн. *хураэха*, агин. *хур'аахаэ*, лит. *хур'аахаэ* (муж старшей сестры, зять); тугн. *бур'аад* || *бур'ад*, агин. *бур'аад*, лит. *бур'аад* (бурят); тугн. *олоэрхо*, агин. *улуурха*, лит. *олоэрхо* (бредить); тугн. *зор'оэн*, агин. *зор'оон*, лит. *зор'оон* (нарочно, намеренно); тугн. *орозхо*, агин. *ор'оохо*, лит. *ор'оохо* (обертывать, заворачивать, завертывать), тугн. *хороз*, агин. *хор'оо*, лит. *хор'оо* (ограда, изгородь); тугн. *маэлаха*, агин. *маараха*, лит. *маараха* (блеять); тугн. *мар'ээгүи*, агин. *мар'аагүи*, лит. *мар'аагүи* (сухощавый, худой, сухопарый).

Как видно из приведенных примеров, долгий гласный в тугнуйском говоре переходит в дифтонговый звук в положении после мягкого звука *р* или после и перед сонантом *л*. Причем в большинстве случаев звук *р* теряет свою палатализованность: *хор'оо* — *хороз*, *ор'оохо* — *орозхо*, *хур'аахаэ* — *хураэха*. И, наоборот, когда долгим гласным тугнуйского говора в агинском говоре соответствуют дифтонгоиды, звук *р* становится палатализованным: тугн. *даэраха*, агин. *даэраха* || *даар'иха*, лит. *даэраха* (задевать); тугн. *тоэрохо*, агин. *тоэрохо* || *тоор'ихо*, лит. *тоэрохо* (обходить кругом); тугн. *хууха*, агин. *хуиха*, лит. *хууха* (кожа на голове); (тугн. *хуухалха*, агин. *хуихалха*, лит. *хуухалха* (палить, опаливать).

6. В двух-трех словах кратким гласным агинского говора в тугнуйском говоре соответствуют долгие гласные: тугн. *хуун*, || *хүн*, агин. *хүн*, лит. *хүн*, (человек); тугн. *дооро* || *дор*, агин. *доро*, лит. *доро*, *дооро* (внизу, ниже).

7. В тугнуйском говоре, а частично и в агинском, в середине слова в комплексах типа *-ла-*, *-рга-*, *-гла-*, *-рла-* наблюдается перестановка (метатеза) кратких гласных: тугн. *буулааха*, агин. *буулагха* || *буулааха*, лит. *буулгаха* (снимать, разгружать); тугн. *рбуслагха*, агин. *буслагха* || *бусалгаха*, лит. *бусалгаха* (кипятить); тугн. *мү эгэхэ*, агин. *мүрэгэхэ* || *мүрэгэхэ*, лит. *мүрэгэхэ* (жаловаться); тугн. *хэрэгэлхэ*, агин. *хэрэгэлхэ*, лит.

хэрэглэхэ (применять, использовать); тугн. *даралха*, агин. *даралха* || *дарлаха* (притеснять; унижать, угнетать).

8. В рассматриваемых говорах редуцированные гласные непервых слогов, находящиеся между согласными, имеют тенденцию к исчезновению, в связи с этим наблюдаются ассимилятивные изменения согласных. В тугнуйском говоре слабая заднеязычно-увулярная фонема *г* уподобляется по глухости предыдущему сильному звуку и слышится как *х*: тугн. *эсхэ*, агин. *эсэгэ*, лит. *эсэгэ* (отец); тугн. *басхан*, агин. *басаган*, лит. *басаган* (девушка); тугн. *хутха* || *хутэга*, агин. *хутага*, лит. *хутага* (нож); тугн. *үсхэлдэр*, агин. *үсэгэлдэр*, лит. *үсэгэлдэр* (вчера); тугн. *батханаан*, агин. *батаганаан*, лит. *батагана* || *батаганаан*, (муха); тугн. *мантхар*, агин. *мантагар*, лит. *мантагар* (большой, огромный); тугн. *зихэн*, агин. *зизэгэн*, лит. *зизэгэн* (козленок).

В тугнуйском и агинском говорах слабые фонемы *б*, *д*, *г* уподобляются по глухости последующему сильному звуку: тугн. *мэтхэ*, агин. *мэтхэ* || *мэдэхэ*, лит. *мэдэхэ* (знает); тугн. *ялтараа*, агин. *ялтараа* || *ябатараа* (когда шел); тугн. *уртхануур*, агин. *урдахануур* || *уртхануур*, лит. *урдахануур* (значительно впереди; довольно рано).

Слабый смычный звук *д* уподобляется по глухости предыдущему сильному согласному: тугн. *бусаштаг*, агин. *бусаштаг* || *бусашэдаг*, лит. *бусашадаг* (быстро возвращается); тугн. *зштэг*, агин. *зшэбэг*, лит. *зшэдэг* (стыдится).

В рассматриваемых говорах при быстрой речи звуки *ш* и *д*, сочетаясь при выпадении редуцированных гласных с шипящими, образуют аффрицированный звук с долгим смычным элементом: тугн., агин. *бэтчэ*, лит. *бэшэжэ* (записывая); тугн., агин. *үтчэлэн*, лит. *үдэшэлэн*, (вечером), тугн., агин. *јатча*, лит. *јадэжа* (страдающая); тугн., агин. *абаатча*, лит. *абаашажа* (унося); тугн., агин. *наатча*, лит. *наадажа* (играя), тугн., агин. *отчо*, лит. *ошожо* (уходя).

В глагольных формах прошедшего времени, образовавшихся из сочетания соединительного деепричастия со вспомогательным глаголом *ошохо*, обычный звук *ш* дает аффрицированный звук с удлинённым смычным элементом: тугн., агин. *ябатчоо*, лит. *ябашоо* (ушел); тугн., агин. *шэргэтчоо*, лит. *шэргэшоо* (высох); тугн., агин. *дууһатчоо*, лит. *дууһашоо* (кончился); тугн., агин. *дутаатчоо*, лит. *дуташоо* (не досталось), тугн., агин. *үнгэгэдэтчоо*; лит. *үнгэгэдэшоо* (измялся). Однако в некоторых словах, особенно когда звук *ш* сочетается с *р*, *л*, *б*, в агинском говоре аффрицированного звука не образуется: тугн. *норчоо*, агин. *норишоо*, лит. *норшоо* (промок); тугн. *таһарчаба*, агин. *таһаршаба*, лит. *таһаршаба* (оборвался); тугн. *абчоо*, агин. *абишоо*, лит. *абишоо* (взял); тугн. *эмдэрчхэ*, агин. *эмдэршхэ*, лит. *эмдэршэхэ* (сломаться), тугн. *болчоо*, агин. *болшоо*, лит. *болшоо* (перестал).

В глагольных формах, образованных из сочетания соединительного деепричастия со вспомогательным глаголом *орхихо*, в обоих говорах наряду с исчезновением редуцированного гласного наблюдается выпадение звука *р*, а в тугнуйском говоре — и звука *ж* и образование сильного долгого мягкого аспирированного звука: тугн. *сох'т'и*, агин. *сох'о жх'и* || *сох'о жорх'и*, лит. *сох'о жорх'и* (избей); тугн. *эт'т'ибэ*, агин. *эд'и жх'ибэ*, лит. *эд'и жэрх'ибэ* (съел); тугн. *март'х'ооб*, агин. *марта жх'ооб*, лит. *марта жарх'ооб* (забыл); тугн. *хат'т'аха*, агин. *хаја жх'иха*, лит. *хаја жарх'иха* (выбросить); тугн. *үлгэх'х'и*, агин. *үлгэ жх'и*, лит. *үлгэ жэрхи* (повесь); тугн. *таб'х'и*, агин. *таб'и жх'и*, лит. *таб'и жарх'и* (поставь).

9. В обоих говорах в некоторых словах встречается выпадение начальных, конечных кратких гласных и конечных слогов: тугн., агин. *н'ээхэ*, лит. *эн'ээхэ* (смеяться); тугн. *баашха*, агин. *баашха* || *абаашха*, лит.

абаашаха (унести); тугн. *шэргэнэ*, лит. *эшэргэнэ* (сыпь; оспа); тугн., агин. *наадтээ*, лит. *наада тээ* (с этой стороны); тугн., агин. *хоэдтээ*, лит. *хоэ-то тээ* (с северной стороны); тугн., агин. *уртээ*, лит. *урда тээ* (с южной стороны); тугн. *хахаддөр* (полдень); тугн., агин. *аса* || *асара*, лит. *асара* (принеси); тугн., агин. *үхэ* || *үгэхэ*, лит. *үгэхэ* (отдать).

10. В тугнуйском и агинском говорах перед различными глагольными аффиксами, присоединяемыми к основам, краткие гласные, как правило, отпадают. Например, тугн., агин. *орно*, *орбо*, *орхо*, *ордог*, *оржо*, *орһон*, *орхолоор*, *орбол*, *ортор*, *орһоор* и т. д. Ср. лит. (полный стиль): *ороно*, *оробо*, *орохо*, *ородог* и т. д. В производных основах слов редуцированные гласные имеют тенденцию к исчезновению в положении после или перед сонантными и некоторыми слабыми согласными: тугн., агин. *нарнаэ*, *шүднээ*, *олноэ*, *одноэ*, *баатраэ*; *машында*, *ханда* и т. д. Ср. лит. (полный стиль); *нарснаэ*, *шүдэнээ*, *олоноэ*, *одоноэ*, *баатараэ*; *машинада*; *ханада*.

11. В обоих говорах в потоке речи конечные *н* (устойчивый) и *г* в положении перед словами, начинающимися на *ј*, *һ*, *м*, *н*, *л*, отпадают: тугн., агин. *номго морин*, лит. *номгон морин* (смирная лошадь); тугн., агин. *хүүгэн'үдэн*, (зрачок); тугн., агин. *һаз һазн баатарнууд*, лит. *һазн һазн баатарнууд* (лучшие богатыри); тугн. *алта һыхэ*, агин. *алтан һыхэ*, лит. *алтан һыхэ* (золотые серьги); тугн. *дүты нүхэр*, агин. *дүтын нүхэр*, лит. *дүтын нүхэр* (близкий друг); тугн., агин. *јаагаа хүитэ јүм*, лит. *јаагаа хүитэн јүм* (Как холодно); тугн., агин. *хэлдэ јүмһэн*, лит. *хэлэдэг јүмһэн* (рассказывал); тугн. *баја һамган*, агин. *бајан һамган*, лит. *бајан һамган*, (богатая женщина).

12. Хоринскому диалекту характерна довольно широкая распространенность палатализации согласных. Между тем в тугнуйском говоре встречается много случаев, когда палатализированным согласным, в частности, агинского говора соответствуют твердые согласные: тугн. *бэдэрхэ*, агин. *бэд'ирхэ*, лит. *бэдэрхэ* (искать); тугн. *бэрэ*, агин. *бэр'и*, лит. *бэр'и* (невестка); тугн. *тымэ*, агин. *т'иимэ*, лит. *т'иимэ* (такой); тугн. *тэрлэг*, агин. *тэрл'иг*, лит. *тэрл'иг* (бурятский халат); тугн. *дылэхэ*, агин. *д'иилэхэ*, лит. *д'иилэхэ* (одолеть; победить); тугн. *эрэхэ*, агин. *эр'ихэ*, лит. *эр'ихэ* (просить); тугн. *хар'та*, агин. *хар'т'и*, лит. *хар'т'и* (берцовая кость); тугн. *бы*, агин. *бы*, лит. *б'иш* (есть, имеется); тугн. *эрэ*, агин. *эр'и*, лит. *эр'и* (острие); тугн. *хатхалаа*, агин. *хадхал'аа*, лит. *хадхалаа* (пневмония); тугн. *төөрхэ*, агин., лит. *төөр'хэ* (заблудиться); тугн. *тэнгэр*, агин., лит. *тэнгэр'и* (небо); тугн. *пээшэн*, агин., лит. *п'ээшэн* (печь); тугн., лит. *эбэлгэхэ*, агин. *эб'илгэхэ* (доить, подпустив теленка). Кроме того, в тугнуйском говоре встречается палатализованный согласный там, где в агинском имеется твердый согласный: тугн. *хэл'ин*, агин., лит. *хэлэн* (язык); тугн. *зүр'хэн*, агин. лит. *зүрхэн*, (сердце); тугн., агин. *үр'һэн*, лит. *үрэнэ*, (семя); тугн. *хүр'гэхэ*, агин., лит. *хүргэхэ* (проводить; сопровождать); тугн. *н'ээхэ*, агин., лит. *нээхэ* (открывать); тугн. *бар'аз'гар*, агин., лит. *баразгар* (рис); тугн. *эл'һэн*, агин., лит. *элһэн* (песок); тугн. *эл'ихэ*, агин., лит. *элэхэ* (изнашиваться).

Морфологические особенности. В области морфологии между сравниваемыми говорами и литературным языком нет каких-либо существенных расхождений. Различия в оформлении одних и тех же морфологических единиц в сравниваемых языковых подразделениях бывают обусловлены главным образом некоторыми фонетическими процессами, имеющими место на стыке основы слова и аффиксов; присоединением к основам разных вариантов одного и того же аффикса.

1. При присоединении к именам, оканчивающимся на *г*, окончания винительного падежа с притяжением звук *г* заменяется йотом (*ј*): тугн. *н'отојын*, агин. *н'утајын*, лит. *н'утагын'* (его родные места); тугн.,

агин. *сајын*, лит. *сагын'* (его время); тугн., агин. *хэрэјын*, лит. *хэрэгын'* (его дело); тугн., агин. *сэрэјын*, лит. *сэрэгын'* (его войска).

2. В хоринском диалекте при присоединении суффикса совместного падежа *-таэ* к основе с мягким согласным в конечном слоге согласный *т* аффикса подвергается прогрессивной палатализации. В тугнуйском говоре это явление наблюдается реже, чем в агинском; тугн. *мор'тоэ* || *мор'т'ээ*, агин. *мор'т'ээ*, лит. *мор'тоэ* (с конем, конный); тугн. *зөөр'тээ*, агин. *зөөр'т'ээ*, лит. *зөөр'тээ* (имуший). При присоединении к суффиксу совместного падежа окончания возвратного притяжания *-јаа* в результате выпадения редуцированного гласного согласный *т* падежного аффикса палатализуется и становится долгим: тугн. *абат'т'аа*, агин., лит. *абатајаа* (с отцом); тугн. *хүбүүт'т'ээ*, агин., лит. *хүбүүтэјээ* (с сыном); тугн. *Үамат'т'аа*, агин., лит. *Үаматајаа* (с Лхамой).

Следует отметить, что прогрессивная палатализация конечного согласного основы или согласного аффикса, присоединяемого к основе с мягким согласным в конечном слоге, довольно распространенное явление в агинском говоре: агин. *хон'н'ээ*, лит. *хон'иноэ* (овцы), агин. *мор'н'ээ*, лит. *мор'иноэ* (лошади); агин. *бэр'д'ээ*, лит. *бэр'идээ* (невестке); агин. *бур'т'иха*, лит. *бур'итаха* (заплесневеть); агин. *хахуул'д'иха*, лит. *хахуул'идаха* (удить); агин. *нэмэр'л'ихэ*, лит. *нэмэр'илхэ* (прибавить, добавить); агин. *мор'л'ихо*, лит. *мор'илхо* (прибыть); агин. *ам'ио'иш*, лит. *ам'иды* (живой).

3. Более значительные различия между говорами наблюдаются в звучании разных частиц.

В тугнуйском говоре частицы личного притяжания 1-го лица *-мн'и*, *-мнаэ*, присоединяясь к словам, оканчивающимся на согласный, сохраняют начальный *-м*. При этом во избежание стечения трех согласных вставляется соединительный гласный между основой и частицей: тугн. *гарамн'и*, *гарнуудамнаэ*, агин., лит. *гарн'и*, *гарнууднаэ* (рука моя, руки наши); тугн. *н'отогом*, *н'отогуудамнаэ*, агин., лит. *н'утагн'и*, *н'утагууднаэ* (родное кочевье мое; родные кочевья наши); тугн. *гарбаламн'и*, агин., лит. *гарбалн'и* (происхождение мое); тугн. *хүбүүдэмнаэ*, агин., лит. *хүбүүднаэ* (ребята наши).

Частицей 3-го лица личного притяжания в тугнуйском говоре является звук *н*, присоединяемый к словам, оканчивающимся на согласный посредством соединительной гласной, которая иногда претерпевает метатезу: тугн. *јабатаран*, *јабатарна*, агин. *јабатарын*, лит. *јабатарын'*, *јабатарн'* (пока шел), тугн. *гаран*, агин. *гарын*, лит. *гарын'* (рука его).

В агинском говоре отсутствует утвердительная частица *-гүбэ* (*-гүб'и*, *-гүбши*), имеющаяся в тугнуйском говоре: *јабаа гүбэ* (пошел он), *јабаа-гүб'и* (пошел я), *јабаа гүбши* (пошел ты). В агинском говоре и литературном языке используются утвердительные частицы *-хајам* (*-хајүм*), *-бишэ-гүү*, *-гүи-гүү*, *-бишуу*: агин. *јабаа хајам*, *јабаабишэ-гүү*, *јабаагүи-гүү*, лит. *јабаа ха јүм* (или *хајам*), *јабаабишуу* (он ведь пошел).

В обоих говорах в тех случаях, когда вопросительная частица *гү* принимает лично-предикативные частицы 2-го лица *-ш*, *-т*, происходит метатеза *ү*. Оказавшись в конце слова, этот гласный делабиализуется в тугнуйском говоре и частично в агинском, в котором становится долгим: тугн. *јабаагши* (*гши* < *гүш*), агин. *јабаагшиш* || *јабаагшиуу*, лит. *јабаа гүш* (Ходил ли ты?), тугн. *јабаагта* (*гта* < *гүт* < *гүта*), агин. *јабааг-түү* || *јабаагтүүу*, лит. *јабаа гүт* (Ходили ли вы?). То же самое происходит в агинском говоре в отношении частицы 1-го лица *б'и* при его сочетании с частицей *гү*: *Б'иш хэлээб'иш*, лит. *Б'и хэлээгүб* (Я сказал, что ли?).

В тугнуйском говоре вопросительная, а также лично-предикатив-

ная частица 1-го лица *б* иногда замещается звуком *м*: тугн. *Тоголомнаэ хаанам даа*, агин., лит. *Тугалнаэ хаанаб даа* (Где наш теленок?); тугн. *Гара гэнэм*, агин., лит. *Гара гэнэб* («Выходи!» — говорю); тугн. *Б'иш баанам*, агин. *Б'иш баэнаб*, лит. *Биш баэнаб* || *баэнам* (Я здесь). В этом же говоре к звуку *м* изредка наращивается лично-предикативная частица *-б'и*: тугн. *Јаба гэнэмб'и*, агин., лит. *Јаба гэнэб* (Говорю: «Иди!»); тугн. *Јабанамби*, агин., лит., *Јабанаб* (Я иду).

При сочетании формы прошедшего времени служебного глагола *гэ*- (говорить, произносить) с модальной частицей *бы* в речи старых людей иногда долгое *ээ* замещается долгим *оо* или дифтонгоидом, а звук *б* палатализуется: *јабаха болоо гооб'ишдаа* || *гэб'иш даа*, лит. *јабаха болоо гээбы даа* (Придется идти). В агинском говоре в данном случае звук *б* также смягчается, когда речь идет о первом лице: *јэрхэ гээб'иш даа* (Наверное, приду). Ср.: *Баэтэраа тэрэш јэрхэ гээбы даа* (Погода, наверное, он придет). В тугнуйском говоре в таком сочетании гласный частицы *бы* часто опускается: *Тоголнаэ јабаа гээб даа* (Теленок наш, наверное, где-то тут ходит).

В агинском же говоре лично-предикативные частицы 2-го лица при употреблении слова с каким-либо модальным оттенком или вопросительной интонацией удлиняют свой гласный: *Хэлээбтаа* || *хэлээбты* («А-а», — сказали вы!), *Мэдээбиши* (Ты уже узнал?!).

В тугнуйском говоре при сочетании частицы отрицания *-гүи* с глагольной формой на *-ха* редуцированные гласные глагола исчезают, звуки *х* и *г* сливаются и дают смычный глухой *к*, а предшествующий им слабый согласный полностью оглушается: тугн. *Мэткүүл'б'и*, лит. *Мэдэхэ-гүүл'б'и*; (Я не знаю); тугн. *Шаткүйб*, лит. *Шадахагүйб* (Не умею); тугн. *Ошгүиши*, лит. *Ошохогүиши* (Ты не пойдешь).

В обоих говорах частицы, сочетаясь между собой, в отличие от литературного языка имеют тенденцию к слиянию: тугн., агин. *һаабдаа*, лит. *һэн ааб даа*; тугн., агин. *һаал*, лит. *һэн аал*; тугн., агин. *һаабза*, лит. *һэн аабза*; тугн., агин. *һалдаа*, лит. *һэн лэ даа*; тугн., агин. *мүнэл'д'аа*, лит. *мүн лэ б'и даа*; тугн., агин. *хүл'б'идаа*, *хүл'д'аа*, *хүн элд'аа*, лит. *хүн лэ б'и даа*; тугн., агин. *хајаһуул'д'аа*, лит. *хајаһуул'б'и даа* (выброшукая); тугн., агин. *јум һэлэ*, лит. *јум һэн лэ*.

Особенностью агинского говора является факультативное замещение лично-предикативной частицы *б* (*б'и*) звуком *ј* или опущение ее: агин. *Хэлхэји*, лит. *хэлэхэб'и* (Скажу я); агин. *мэдэхэји*, лит. *мэдэхэб'и* (Знаю я); агин. *Хэээ ошхоб'ишд'и*, лит. *Хэээ ошхоб'ишд'и* (Когда пойдем?).

В тугнуйском говоре употребляется модальная частица *аалам*, отсутствующая в агинском говоре: *Моожо мүнөө јэржэ јабаалам* (Может быть, они едут сейчас); *Хэрэгтээ болхо аалам* (Возможно, пригодится).

В отличие от агинского говора частица *-лэ* в тугнуйском говоре и в литературном языке употребляется в сравнительно-предположительном значении: *Тэрэши багша јанзын хүндэл һэн* (Он был похож на учителя); *Тэдэши эндэ һуһандаа хајам даа* (Они как-будто бы жили здесь).

В тугнуйском говоре частица *-шье* произносится как *-шха*: тугн. *залуушхаһаа*, лит. *залуушјэ һаа* (хоть и молод); тугн. *Б'ишишэ ошкүйб*, лит. *Б'ишијэ ошхогүйб* (Я-то не пойду), тугн. *Бэшишхэ ондоо јүүмэ хэнэгүйб* (Больше ничего не делаю).

Особенностью тугнуйского говора является употребление лично-предикативных частиц 1-го и 2-го лица множественного числа со словом *хүн* (человек), находящемся в форме единственного числа: тугн. *Хазшан гээд гоород ошхо хүнб'ишд'и?* агин. *Хазшан гээд гоород ошхо зонб'ишд'и?* (Как мы должны поехать в город?); тугн. *Гурбан хүн јэрээ хүмты*, агин. *Гурбан хүн јэрээ зомты* (Значит, вы втроем пришли?); тугн. *ыжэ*

баэжа хэхэ хүмд'и, агин. Иижэ баэжа хэхэ зомд'и (Значит, так мы должны сделать).

4. В тугнуйском говоре чаще, чем в агинском, употребляются причастия на -ааша: тугн. *Һаја алааша үхрээ м'ахан*, агин. *Һаја алагша үхрээ м'ахан* (мясо забитой недавно коровы).

5. В языке тугнуйцев изредка наблюдается неоправданное употребление звука *н* перед падежным аффиксом: *Энэ м'ээстэндэ б'иш һуухаб* (На это место сяду я); *Энэ саянаа хээд уугараэ* (Наливай и пей этого чая).

6. В агинском говоре суффикс множественного числа -нууд иногда присоединяется к некоторым несклоняемым глагльным формам, т.е. наблюдается формальное согласование подлежащего и сказуемого в числе: *Һајанаэ эдэи ииш т'ишиээ таранхаэнууд* (Не так давно все они разошлись туда-сюда); *Манаэх'ин булта б'инхаэнууд* (Все наши дома); *Хүүгэднээ үрөөгтөө хо жомдохоо бол'оонууд агша* (Дети наши перестали опаздывать на уроки).

7. Различия между рассматриваемыми говорами наблюдаются в отношении слов и частиц, применяющихся для выражения усиления признака прилагательных. В тугнуйском говоре в качестве усилителя признака выступают слова *тэнсэлгүи, болзоргүи, ајуулаэ, мүргүи, хэмгүи*, не употребительные в этой функции в агинском говоре и, наоборот, специфичными для Аги являются слова-усилители *нам жар, дүрсэгүи, пооромгүи, оромгүи, одоо, уугараэ, муухаэ* и т. д. Примеры: тугн. *тэнсэлгүи бүхэ хүн* (очень сильный человек), *болзоргүи јэхэ олзо* (очень большой доход), *Мүргүи хөөрөөшө үбгэн* (Старик — исключительно хороший рассказчик), *ајуулаэ томо бухал* (ужасно большая копна); агин. *муухаэ томо бухал* (ужасно большая копна), *нам жар гојо үдэр* (исключительно (хороший день), *оромгүи хүитэн* (ужасно холодно) и т. д. Большинство слов, передающих усиление признака, ввиду своей сниженной стилистической выразительности не находят широкого применения в литературном языке. К таким относятся слова *бузар, булаэ, зутар, зүд, оэгоргүи* и др.

Лексические особенности. Между тугнуйским и агинским говорами наблюдаются некоторые лексико-семантические расхождения. Наиболее типичным в этом отношении является обозначение одного и того же понятия разными словами, хотя эти слова, как правило, наличествуют в обоих говорах. Кроме того, в говорах иногда не совпадает объем значений слов. Для иллюстрации приведем примеры:

тугн.	агин.	лнт.	значение
<i>талхан</i>	<i>тар'аан</i>	<i>тар'аан</i>	хлеб, зерно
<i>баабаз</i>	<i>абгаэ</i>	<i>абгаэ</i>	старшая сестра
<i>хээтээ</i>	<i>абгаэ</i>	<i>абгаэ</i>	жена брата
<i>харша</i>	<i>хашаа</i>	<i>харша, хашаа</i>	забор (из плах)
<i>дохо</i>	<i>сохо</i>	<i>духа</i>	люб
<i>һууха</i>	<i>баэха</i>	<i>һууха, баэха</i>	жить, проживать
<i>тээмэндэ</i>	<i>тээсгэн</i>	<i>тээмэндэ, тээсгэн</i>	недавно, на днях
<i>бүшмэг</i>	<i>үдхэн</i>	<i>бүшмэг, үдхэн</i>	густой
<i>мохър'уулга</i>	<i>ган жан</i>	<i>мухар'уухаэ</i>	скалка для раскатывания теста
<i>һаднаг</i>	<i>гасуу</i>	<i>һаднаг, гасуу</i>	кол
<i>онгоошхо</i>	<i>сонхо</i>	<i>сонхо</i>	окно
<i>дууһан, хуу</i>	<i>булта, хуу</i>	<i>булта, хуу</i>	все
<i>арһан аргамжа, эрмэр</i>	<i>мушхамал</i>	<i>арһан аргамжа</i>	кожаная веревка

олдууд	хүнүүд, зон	хүнүүд, зон, уладууд	люди
заб'жаа, гүсэ	гүсэ	гүсэ	чайник
мөөр'и	түхэр'өөн	мөөр	колесо (телеги)
зуур'гха	халаха ханда- хагүй	халахагүй	назойливо приста- вать
тононоэ аэраг	шилгэдэһэн	шилгэдэһэн, аэраг	пахта
зүлэхэ	hanaха	hanaха	намереваться
гээгдэхэ	хо жомдохо	гээгдэхэ, хожомдохо	отставать
үни	удаан	үни, удаан	долго.

В указанных выше говорах отмечаются небольшие расхождения в фразеологии. Например, понятие «шалить» в Аге обозначается устойчивым сочетанием *тоомоо таһарха*, а в Мухоршибири это понятие выражается словосочетаниями *тоомо аашалха*, *тоомо гарха*, *тоомо таһарха* (редко).

Здесь также наблюдаются небольшие расхождения в оформлении и составе заимствованных из русского языка слов. В тугнуйском говоре заимствованные глаголы оформляются посредством суффикса *-л*, а в агинском — без этого суффикса: тугн. *забад'ишлха*, агин. *забад'иша* (заводить); тугн. *аздабаалха*, агин. *аздабааха* (сдавать); тугн. *шихтүү-ри'лхэ* || *шихтүүридлэхэ*, агин. *шахатуурдаха* (штукатурить). В тугнуйском говоре встречаются заимствованные слова, которые отсутствуют в агинском: *сумстишлха* (смущать, подбивать), *түүмнэ* (темный; невежда), *солбоодно* (свободный), *заимха* (заимка), *ладуун* (ток), *бүүл'бэ* (картофель), *шэмээшэг* || *сэмээшэг* (семейский). Одни и те же заимствованные слова довольно часто оформляются по-разному: тугн. *хорорто*, агин. *хүрөөртэ* (курорт), тугн. *собоото*, агин. *сүбөөтэ* (суббота), тугн. *хартаабха* (наряду с *бүүл'бэ*), агин. *хортообхо* (картофель), тугн. *ороог*, агин. *үрөөг* (урок), тугн. *синотоор*, агин. *сонотоор'и* (санаторий), тугн. *харс'иин*, агин. *харшын* (керосин), тугн. *мэшээг*, агин. *м'ишоог* (мешок), тугн. *п'ээнзэ*, агин. *п'ээнсэ* (пенсия), тугн. *сүпхөөн*, агин. *сүпөөн* (супонь), тугн. *сэд'оолхо*, агин. *шо жуулха* (седелка) и т. д.

Между тугнуйским и агинским говорами наблюдается несоответствие также в обращении к старшим. В Аге при обращении к старшему к его имени прибавляют слова *ахаэ* (старший брат) и *абаэ* (старшая сестра): *Батахаэ* (дядя Бато), *Дулма абаэ* (сестра Дулма). В Мухоршибири же старших не называют по имени, а обращаются к ним косвенно, через имена их детей. Например: *Сэдбээ э жы, наашаа нуугты* (Мать Цыдыпа, садитесь сюда); *Бунгараэ аба* (отец Бунгара), *Шодбоон аба* (отец Шодбона), *Дамбаахаэн баабаэ* (отец Дамбахая) и т. д.

Приведенный выше материал показывает, что между тугнуйским и агинским говорами, а также между этими говорами и литературным языком имеются некоторые различия. Наличие какой-либо специфической особенности в этих говорах не исключает параллельного бытования в них формы, принятой в литературном языке. Например, наряду с *хэрэжын*, *сажын* в них также употребляются литературные *хэрэжын'*, *сажын'*. Таким образом, говорам присуща многовариантность форм, а в литературном языке довлеющей является тенденция к унификации.

Как видно из приведенного же здесь материала, тугнуйский и агинский говоры получили отражение в литературном языке лишь частично, то есть в той их части, в которой они совпадают с остальными хоринскими и другими бурятскими говорами.